

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ США

Ключевые слова: качественные преобразования вооруженных сил США, военно-технологическое превосходство, военное планирование, мировой порядок, инновационные концепции применения вооруженных сил США, стратегическое сдерживание, глобальная геополитика, передовое военное присутствие.

Аннотация: В статье анализируются важнейшие концептуальные направления развития вооруженных сил США. Даже в условиях жестких финансовых ограничений они способны привести к дестабилизации глобального военно-стратегического равновесия.

Keywords: quality transformation of U.S. military forces, military-technological superiority, military planning, world order, innovative conceptions of use U.S. military forces, strategic deterrence, global geopolitics, advanced military presence.

Abstract: The article analyses the main conceptual directions of development of the U.S. armed forces that, even under hard financial restrictions, can lead to destabilization of global military-strategic balance.

В период второй администрации Барака Обамы Белый дом и министерство обороны США опубликовали ряд доктринальных документов в области национальной безопасности, содержащих важнейшие фундаментальные принципы строительства и применения вооруженных сил (ВС) США. Планируется, что уже к 2020 г. в американских ВС произойдут качественные преобразования, которые затронут все аспекты их применения: стратегическое планирование, организационную структуру, техническое оснащение, обучение и подготовку личного состава, стратегию, оперативное искусство и тактику, а также организацию логистического обеспечения боевых действий.

I.

Принципиальная установка на качественное техническое превосходство над любым вероятным противником в XXI в. остается концептуальной основой военной политики администрации Обамы. В марте 2014 г. министерство обороны опубликовало очередной «*Четырехлетний обзор в области обороны*» – своего рода «дорожную карту» в сфере военного строительства на следующие четыре года.¹ Как следует из документа, американским

вооруженным силам придется решать задачи обеспечения национальной безопасности в условиях «глобальных вызовов, исходящих из различных регионов планеты». Рост очагов экстремизма и возникновение и активизация религиозно-политических конфликтов на территории ряда государств Северной Африки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии создает, по оценкам авторов документа, «непосредственную угрозу для американских союзников и партнеров». Это, в свою очередь, требует расширения «международного сотрудничества в оборонной сфере и выработки адаптивных форм взаимодействия». В условиях глобальной трансформации системы международных отношений американское руководство будет вынуждено осуществлять оборонную политику, опираясь на «высокоэффективную экономику, широкое политическое взаимодействие с союзниками и партнерами, военную мощь и технологическое превосходство». Выполнение всех этих условий потребует, в свою очередь, принятия важных управленческих решений в области изменения баланса вооруженных сил и дальнейшего реформирования их структурных компонентов.

Угрозы национальной безопасности США, по оценкам авторов доклада, в обозримой перспективе будут только множиться. Это, в свою очередь, потребует ряда ответных мер, которые могут кардинально изменить всю систему международной безопасности. Возникновение новых центров силы в мировой политике, растущая политическая, экономическая и военная мощь ряда «поднимающихся» государств, падение демографических показателей ведущих стран, быстрая урбанизация территорий, повышение среднего возраста населения планеты, непредсказуемые колебания мировых энергетических рынков, а также появление новейших (прежде всего, военных) технологий в некоторых «проблемных» странах и у террористических группировок, являются, по мнению американских военных специалистов, основными источниками глобальной нестабильности и, как следствие, «возможной трансформации существующего мирового порядка». Воздействие этих факторов на всю систему международных отношений будет только возрастать в долгосрочной перспективе, а механизмы противодействия им будут ослабевать. Это, в свою очередь, может значительно ограничить возможности американского влияния на обстановку в том или ином регионе, снизить потенциал глобального военного присутствия, а также повысить уязвимость ВС США при развертывании на удаленных театрах военных действий (ТВД). При этом усиливающаяся угроза со стороны транснациональных террористических организаций в значительной мере определяется упрощением условий их функционирования, связанным с неутрачивающим характером вооруженных конфликтов в различных регионах планеты.

Как следует из документа, США, их союзники и партнеры, должны оказывать противодействие (в том числе и силовыми методами) государствам, которые могут «трансформировать существующий либеральный мировой порядок». Поэтому американское военное планирование должно вестись с целью снижения активности этих стран «в области возможной дестабилизации международных отношений». Продолжающееся распространение ядерных и

ракетных технологий, неядерного высокотехнологичного оружия, беспилотной авиации, автономных робототехнических систем вооружений, растущие возможности по применению информационного оружия, разведывательных средств космического базирования также создают, по оценкам американских военных специалистов, реальные угрозы для национальной безопасности США и представляют серьезный вызов для американских вооруженных сил.

По мере роста экономического и военно-политического потенциала развивающихся стран и перераспределения материальных и финансовых ресурсов между глобальными центрами силы, США, их союзники и партнеры могут потерять, как считают авторы доклада, свое влияние на мировую политику и экономику, которое уже начинает смещаться в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Поэтому защита жизненно важных интересов США в этом регионе, а также сохранение и укрепление важнейших альянсов с американскими союзниками и партнерами в АТР на фоне роста конкуренции со стороны некоторых «крупных региональных государств» потребуют от американского руководства разработки новых подходов к обеспечению национальной безопасности и расширению боевых возможностей ВС.

«Быстрая модернизация военно-технического потенциала Китая, в частности, его ракетно-ядерных вооружений ведет к усилению напряженности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» и может, по оценкам американских военных специалистов, уже в краткосрочной перспективе создать для ВС США существенные трудности, связанные с необходимостью повышения боевого потенциала войск, пересмотра стратегических и оперативно-тактических концепций их применения, а также модернизации вооружений и военной техники. Возможное «активное применение Китаем вооруженных сил для защиты национальных интересов» заставляет американское военное руководство искать новые формы и методы применения военной мощи для противодействия этой «региональной угрозе». Так, авторы «Четырехлетнего обзора» считают необходимым ускоренными темпами разрабатывать дальнобойные высокотехнологичные системы вооружений, способные преодолевать современные средства противовоздушной и противоракетной обороны (ПВО/ПРО), а также разведывательно-ударные комплексы для ведения боевых действий на удаленных ТВД в быстро меняющихся военно-стратегических условиях, в частности, автономных подводных аппаратов, которые могут стать дополнительным средством сбора разведывательной информации. Это, в свою очередь, потребует существенных финансовых вложений в поддержание и модернизацию профильной инфраструктуры базирования американских войск в регионе. Предполагается, что значительную часть этих расходов должны взять на себя американские союзники и партнеры в АТР (Австралия, Япония, Южная Корея, Филиппины, Таиланд, Новая Зеландия, Сингапур, Индонезия, Малайзия, Вьетнам и Бангладеш).

В условиях жестких финансовых ограничений и в соответствии с законом «О контроле бюджета», начиная с 2012 фин. г. бюджет министерства обороны планируется сократить на 487 млрд. долл. в течение десятилетия, причем ассигнования должны будут снижаться на 50 млрд. долл. ежегодно. Однако в документе указывается, что начиная с 2015 фин. г. расходы Министерства

обороны вырастут в течение следующих пяти лет на 115 млрд. долл. Следует отметить, что в общей сложности на оборону в 2016 фин. г. было выделено 585,3 млрд. долл.² В эту сумму входит базовый бюджет министерства обороны и расходы на ведение боевых действий за рубежом – Overseas Contingency Operations (OCO). При этом основной бюджет военного ведомства составил 534,2 млрд. долл. (без дополнительных программ), а на OCO было выделено 50,9 млрд. долл. Сумма базового бюджета на 2016 фин. г. превосходит прошлогоднюю на 38,2 млрд. долл., а на ведение боевых действий за рубежом – на 13,3 млрд. долл. меньше, чем в 2015 фин. г. Представляется, что такое изменение структуры оборонных расходов связано с тем, что США намерены сосредоточиться, прежде всего, на финансировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) и качественном развитии вооруженных сил. В свою очередь, снижение расходов на ведение боевых действий за рубежом вызвано значительным сокращением американского воинского контингента, развернутого в Афганистане.

При составлении проекта оборонных расходов на 2016 фин. г. учитывались пять основных факторов: смещение стратегических приоритетов военной политики США в АТР; обязательства американского руководства перед союзниками по НАТО по поддержанию региональной безопасности в Европе и на Ближнем Востоке; глобальная борьба с международным терроризмом; инвестирование в развитие новейших технологий; укрепление военно-политических и экономических союзов и партнерств по всему миру. При этом основные финансовые потоки оборонных расходов при реформировании ВС США планируется направить на развитие сил и средств стратегического ядерного сдерживания, противоракетной обороны, информационной безопасности, стратегических транспортных средств для переброски войск и военной техники, а также на активизацию боевого применения сил специальных операций в глобальном масштабе.

В «Четырехлетнем обзоре» обозначены три важнейшие инициативы, которыми министерство обороны намерено руководствоваться при реформировании вооруженных сил:

- военное строительство должно осуществляться с целью сохранения лидирующего положения США в мире;
- все запланированные мероприятия в области структурных изменений вооруженных сил должны быть четко сбалансированы;
- сохранение высокой боеготовности вооруженных сил в условиях жестких финансовых ограничений возможно только при наличии эффективного механизма контроля над расходами.

Учитывая сложную финансово-экономическую ситуацию, а также исходя из наличия широкого спектра угроз национальной безопасности, американские специалисты несколько видоизменили действовавшую после окончания «холодной войны» доктрину одновременного ведения двух военных конфликтов на различных удаленных ТВД. В современной трактовке вооруженные силы США «должны нанести поражение региональному противнику в крупномасштабной войне на одном ТВД и не дать возможности оппоненту решать свои задачи в связи с большими затратами на ведение

боевых действий на другом ТВД». По сути, в документе подтверждается действующая доктринальная установка американского руководства о невозможности в среднесрочной перспективе содержать и обеспечивать такую группировку сил, которая была бы способна одновременно вести две крупномасштабные войны на различных удаленных ТВД.

В документе обозначено несколько инновационных концепций применения вооруженных сил, которые американское руководство выделяет в качестве приоритетных. Так, в соответствии с концепцией «обороны национальной территории» планируется и дальше активно развивать новейшие противоракетные технологии, в частности, увеличить количество развернутых стратегических ракет-перехватчиков GBI (Ground-Based Interceptors) шахтного базирования с 30 до 44, развернуть на территории Японии второй радар системы предупреждения о ракетном нападении для своевременного обнаружения ракетных пусков с территории Северной Кореи, а также значительно увеличить финансирование профильных программ по исследованию возможностей селекции сложных баллистических целей и повышению технических характеристик информационно-разведывательного компонента глобальной системы ПРО. Это должно защитить, прежде всего, американские воинские контингенты, развернутые за пределами национальной территории, от региональных ракетных угроз. При этом, подчеркивается в документе, все мероприятия США в этой сфере направлены исключительно против Северной Кореи и Ирана и никак не подразумевают изменение военно-стратегического баланса с Россией и Китаем.

Несмотря на достигнутые с Россией договоренности в области сокращения стратегических наступательных вооружений планируется увеличить расходы на текущее содержание и модернизацию инфраструктуры ядерно-оружейного комплекса с целью «сохранить эффективную стратегическую триаду и повысить боеготовность тактической авиации передового базирования в ядерном оснащении».³ Следует отметить, что американское руководство намеренно потратить 350 млрд. долл. в течение следующего десятилетия на содержание и модернизацию ядерных сил.⁴ Организационные, финансовые и технические усилия в рамках этих задач планируется направить, прежде всего, на разработку стратегического подводного ракетносца следующего поколения, новейшего стратегического бомбардировщика и крылатой ракеты воздушного базирования для его оснащения, межконтинентальной баллистической ракеты следующего поколения, перспективного ударного истребителя, разработку и полномасштабное производство новейших модификаций ядерных боеголовок, а также строительство новых предприятий по производству и проведению имитационных испытаний ядерного оружия.

Министерством энергетики, в ведении которого находятся национальные ядерные лаборатории, запланирована реализация широкомасштабной программы продления срока службы и модернизации всех стоящих на вооружении типов ядерных боеголовок. Так, уже ведется полномасштабное производство около 1,2 тыс. ядерных боеголовок W76-1 для баллистической ракеты подводных лодок (БРПЛ) «Trident-II» («Трайдент-2»), которое

планируется завершить к 2019 г., при этом общая стоимость программы может составить 3,7 млрд. долл. Разработка ядерной боеголовки для новой стратегической крылатой ракеты воздушного базирования LRSO (Long-Range Standoff), которой планируется оснащать стратегические бомбардировщики следующего поколения, потребует около 8,8 млрд. долл. в период до 2033 г., при этом стоимость всех компонентов системы может достигнуть 20 млрд. долл. Серийное производство управляемых ядерных авиабомб новейшей модификации B61-12, которыми планируется оснащать ударные истребители-бомбардировщики F-35 «Lightning II» (Лайтнинг-2), намечено закончить к 2025 г., при этом общая стоимость программы может составить около 10 млрд. долл.

Национальное управление по ядерной безопасности (National Nuclear Security Administration), являющееся структурным компонентом министерства энергетики США, также представило план разработки нового семейства так называемых «взаимозаменяемых» ядерных боеголовок, которые могут применяться как на межконтинентальных баллистических ракетах (МБР), так и на БРПЛ.⁵ Производство первой такой боеголовки должно начаться в период до 2039 г., при этом стоимость программы может составить около 15 млрд. долл. Ожидается, что все запланированные мероприятия должны привести к повышению точности ядерного оружия, что, в свою очередь, может значительно снизить требования к его мощности для уменьшения «сопутствующего ущерба».

Кроме этого, предполагается активно разрабатывать средства информационного противоборства, вкладывая ресурсы в развитие цифровых технологий и подготовку профильных специалистов, а также поддерживать необходимый потенциал для защиты национальной территории от возможного применения оружия массового уничтожения.

В рамках концепции «обеспечения глобальной безопасности» планируется продолжить стратегию передового присутствия американских экспедиционных сил в ключевых регионах планеты, прежде всего, в АТР. Так, к 2020 г. предполагается развернуть в акватории Тихого океана до 60% всего боееспособного потенциала ВМС, а также значительные контингенты ВВС и корпуса морской пехоты, оснащенные системами вооружений и военной техникой последнего поколения. Кроме этого, американское руководство и дальше продолжит рассматривать ряд стран Ближнего Востока, Европы, Африки и Латинской Америки как форпосты американского военного присутствия в глобальном масштабе, являющиеся «необходимым компонентом политики обеспечения национальной безопасности». Важнейшим стратегическим приоритетом американской военной политики становится Арктический регион, в связи с чем планируется значительно нарастить военное присутствие в прилегающих акваториях.⁶

В соответствии с концепцией «проецирования силы и достижения решительной победы» американское руководство планирует сосредоточить основные финансовые, научно-технические и организационные усилия на развитие, прежде всего, авиационного и морского компонентов национальной военной мощи для противодействия «растущей военной угрозе» со стороны Китая. При этом необходимые ресурсы предполагается также направить на

модернизацию сухопутных войск, сил специальных операций, а также на разработку новейших военно-космических систем, дальнобойного высокотехнологичного оружия, систем разведки, наблюдения и рекогносцировки для повышения ситуационной осведомленности в глобальном масштабе, поддержания высокого темпа операций и лучшей маневренности. Кроме этого, планируется продолжить дальнейшее укрепление политики «евроатлантической солидарности» на ключевых региональных ТВД.

С учетом требований оборонной стратегии США и необходимости совершенствовать основные силы и средства по широкому спектру задач Министерство обороны разработало Перспективный план обеспечения обороноспособности на 2015-2019 фин. г. (Future Years Defense Program - FYDP), в котором предусмотрены следующие общие параметры:

Сухопутные войска: 18 дивизий (10 регулярного состава, восемь – в национальной гвардии); 22 авиационные бригады (10 регулярного состава, две – в резерве, 10 – в национальной гвардии); 15 дивизионов противоракетных комплексов «Пэтриот»; семь батарей противоракетных комплексов THAAD (Terminal High-Altitude Area Defense). Численность военнослужащих: 440–450 тыс. регулярного состава, 195 тыс. – в резерве, 335 тыс. – в национальной гвардии.

Военно-морские силы: 11 авианосцев и 10 авиакрыльев палубной авиации; 92 больших надводных боевых корабля (71 эсминец и 21 крейсер); 43 малых надводных боевых корабля; 33 амфибийно-десантных корабля; 51 ударная многоцелевая атомная подводная лодка; четыре стратегических подводных ракетносца с крылатыми ракетами. Численность военнослужащих: 323,2 тыс. регулярного состава, 58,8 тыс. – в резерве.

Корпус морской пехоты: два экспедиционных соединения; три штаба бригадного уровня; семь штабов батальонного уровня. Численность военнослужащих: 182 тыс. регулярного состава, 39 тыс. – в резерве.

Военно-воздушные силы 48 эскадрилий истребителей и штурмовиков (26 регулярного состава и 22 – в резерве, 971 самолет); девять эскадрилий тяжелых бомбардировщиков (96 самолетов); 443 самолета-топливозаправщика; 211 стратегических транспортных самолетов; 300 тактических транспортных самолетов; 280 самолетов разведки, наблюдения и рекогносцировки; 27 самолетов боевого управления; шесть оперативных спутниковых группировок. Численность военнослужащих: 308,8 тыс. регулярного состава, 66,5 тыс. – в резерве, 103,6 тыс. – в национальной гвардии.

Силы специальных операций: около 660 формирований специального назначения (в т. ч. оперативные подразделения всех видов вооруженных сил, а также специальные авиационные части), включая: три разведывательно-диверсионных батальона «Рейнджер», 259 самолетов обеспечения мобильности и огневой поддержки, 83 летательных аппарата разведки, наблюдения и рекогносцировки (40 беспилотных летательных аппарата (БПЛА), 43 самолета). Численность военнослужащих: 69,7 тыс.

Стратегические ядерные силы: не более чем 1550 ядерных боеголовок, развернутых на следующих стратегических носителях: 420 МБР «Minuteman III» (Минитмен-3); 240 БРПЛ «Трайидент-2», развернутых на 12 из 14 ПЛАРБ

(подводных лодок атомных с баллистическими ракетами) класса "Ohio" («Огайо»); 60 тяжелых бомбардировщиков (44 B-52 "Stratofortress" («Стратофортресс») и 16 B-2A "Spirit" («Спирит»).

Силы информационных операций: 13 групп стратегического уровня с восемью группами обеспечения; 27 групп оперативно-стратегического уровня с 17 группами обеспечения; 18 групп информационной безопасности стратегического уровня с 24 группами обеспечения; 26 групп управления и информационной безопасности оперативно-стратегического уровня.

Особо подчеркивается, что, поскольку «США – это государство с глобальными военно-политическими и экономическими интересами, у которой есть обязательства перед союзниками и партнерами», их оборонная стратегия по-прежнему будет направлена на усиление способности решать проблемы международной и региональной безопасности и, прежде всего, на необходимость обеспечения безопасного доступа к энергоресурсам. Для этого повышенное внимание, наряду с другими программами модернизации обычных и стратегических сил, планируется уделять дальнейшему развитию инновационных концепций применения вооруженных сил, разработке дальнобойных высокотехнологичных систем вооружений, информационно-разведывательных средств космического базирования с направлением в эти области необходимого объема инвестиций.

II.

В очередной «*Стратегии национальной безопасности*», утвержденной президентом Б.Обамой в феврале 2015 г., заявлено, что «США намерены и дальше формировать мировой порядок и определять приоритеты всей системы международных отношений...».⁷ По сути американское руководство планирует и дальше проводить политику глобального доминирования, опираясь на различные компоненты (политические, экономические, военные, информационные) национальной мощи. «Вопрос не в том, должны или не должны лидировать Соединенные Штаты, а в том, как они должны это делать», – подчеркнул в предисловии к документу президент Б.Обама. При этом «российская агрессивная политика» была поставлена в один ряд с международным терроризмом, угрозами в глобальном информационном пространстве, негативными последствиями изменения климата и слабо контролируемым распространением инфекционных заболеваний как одна из наиболее «серьезных вызовов национальной безопасности США». «Воинственный подход» России к соседним странам, по мнению Обамы, «ставит под угрозу нормы международного права». Для стратегического сдерживания «российской военной угрозы» США планируют и далее «наблюдать за ее стратегическими возможностями», а также продолжать адаптивное военное планирование с союзниками и партнерами. При этом американское руководство «оставляет открытой дверь» для возможного взаимодействия с Россией в сферах «совместных интересов».

В документе особо подчеркивается, что укрепление и поддержание американского лидерства, обеспечение национальных интересов, утверждение

так называемых «универсальных ценностей» и выполнение международных обязательств невозможно без учета силовых возможностей США, которые американское руководство планирует непрерывно качественно развивать. К тому же США как главный архитектор современного мирового порядка «способны эффективно адаптироваться к новым вызовам и успешно преодолевать все возникающие трудности». При этом ключевым элементом глобального первенства США, по мнению американских специалистов, служит уверенность в «неизбежности для Соединенных Штатов оставаться лидером международного сообщества в силу уникальных возможностей».

Среди основных стратегических рисков, угрожающих национальным интересам США, названы:

- «катастрофическое» нападение на национальную территорию или критическую инфраструктуру;
- угрозы или атаки против населения США за пределами национальной территории, а также союзников;
- глобальный экономический кризис или замедление экономического роста в глобальном масштабе;
- распространение и/или использование оружия массового уничтожения;
- неконтролируемое глобальное распространение инфекционных заболеваний;
- изменения климата;
- разрушение основных энергетических рынков;
- значительные последствия для национальной безопасности, связанные с политикой «несостоявшихся» государств.

В целях поддержания на должном уровне национальной безопасности составители документа предлагают сосредоточиться, прежде всего, на укреплении обороноспособности США, усилении внутренней безопасности, расширении возможностей по противодействию террористическим угрозам, а также предотвращению распространения и применения оружия массового уничтожения. Для этого планируется, в частности, более эффективно использовать различные сегменты национальной экономики, энергетической стратегии (активное развитие и внедрение альтернативных источников энергии), научно-технического потенциала (лидерство в технологических инновациях), а также «формировать глобальный экономический порядок в выгодном для Соединенных Штатов направлении». Учитывая приоритетную важность для американского руководства поддержания «либерального мирового порядка», планируется и дальше формировать новые «волны демократизации» в глобальном масштабе. Для этого предполагается более активно вовлекать в различные военно-политические и экономические альянсы под руководством США государства Азиатско-Тихоокеанского региона, Юго-Восточной Азии, Европы, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки.

В целом, в документе отражены доктринальные установки американского руководства, свидетельствующие, что США и в обозримом будущем претендуют на роль глобального лидера и планируют добиваться этого путем расширения инструментария, в частности, стратегического сдерживания

глобальных геополитических оппонентов. При этом американское лидерство в XXI веке, как утверждается в документе, «останется необходимым».

III.

Основные задачи американских вооруженных сил, а также общие подходы к их решению были сформулированы в новой редакции *«Национальной военной стратегии»*, подготовленной специалистами Комитета начальников штабов (КНШ) и утвержденной в июне 2015 г. тогдашним председателем КНШ М.Демпси.⁸ В предисловии к документу Демпси подчеркивал, что «...стратегическая ситуация в мире существенно дестабилизировалась и... является самой непредсказуемой за последние десятилетия, а американское военное превосходство продолжает неуклонно снижаться...». Национальная безопасность США, по его мнению, подвергается широкому спектру угроз, исходящих со стороны как «традиционных противников», так и региональных государств и негосударственных группировок, которые пытаются воспользоваться теми преимуществами, которые дает интенсивное развитие и внедрение в военное дело новейших технологий.

«Вооруженные силы США должны быть способны быстро и адекватно реагировать на любые новые вызовы, сохраняя при этом военно-стратегическое превосходство в противостоянии традиционным угрозам», – пишет Демпси. Это, в свою очередь, должно обеспечиваться, эффективным взаимодействием военных структур с другими инструментами национальной мощи, а также с союзниками и партнерами. При этом особое внимание Демпси обращает на необходимость и дальше поддерживать оперативные и транспортные возможности по развертыванию ВС США в глобальном масштабе, а также сохранению и развитию действующей системы военно-политических союзов, для чего министерству обороны необходимо сосредоточиться на «формировании высококвалифицированного и готового к последовательным действиям руководящего звена вооруженных сил». Малая предсказуемость современных конфликтов, их предрасположенность к быстрой эскалации на фоне сокращения финансовых ресурсов и общей численности ВС США требует, по мнению Демпси, кардинального пересмотра военно-стратегических концепций и корректировки оперативно-тактических планов. Для стратегического сдерживания, оказания противодействия, а в случае необходимости и разгрома вооруженных сил «ревизионистских государств, бросающих вызов нормам международного права», а также «жестоких экстремистских организаций, угрожающих международной и региональной безопасности», США должны и в обозримом будущем, по мнению Демпси, предпринимать все необходимые меры по формированию военных коалиций с союзниками и партнерами в рамках своих обязательств.

Глобальные изменения международной обстановки, как следует из «Национальной военной стратегии», вызваны, прежде всего, негативными тенденциями глобализации, распространением новейших технологий и фундаментальными демографическими сдвигами. Взрывной характер перемещения людских потоков, транзита различных товаров и

информационного трафика через границы государств ведет, по мнению американских военных специалистов, к усилению социально-экономической напряженности в обществе, обостряет борьбу за природные ресурсы и усугубляет политическую нестабильность. Распространение и широкое внедрение новейших технологий в военное дело ведет к сокращению военно-стратегических преимуществ, которыми уже в течение длительного периода обладают США, в частности, в области обеспечения раннего предупреждения о ракетном нападении и нанесения высокоточных ударов. Однако некоторые страны «предпринимают попытки пересмотреть ключевые приоритеты мирового порядка и действуют в направлении формирования долгосрочной угрозы для национальной безопасности США». К таким государствам американские военные специалисты относят, прежде всего, Россию, Китай, Иран и Северную Корею, которые «активно проводят масштабные мероприятия по модернизации своих вооруженных сил». При этом планируется и в дальнейшем прилагать активные усилия по «налаживанию взаимодействия с Россией и Китаем в вопросах, представляющих взаимный интерес, одновременно призывая оба государства к мирному разрешению возникающих противоречий в соответствии с нормами международного права».

Баллистические и крылатые ракеты, неядерные высокотехнологичные системы вооружений, беспилотные, космические и информационные технологии, оружие массового уничтожения – это те средства, которые могут, по мнению американских военных специалистов, кардинально воспрепятствовать доступу ВС США на удаленные ТВД. Кроме этого, так называемые «нарастающие» военные технологии могут обесценить американский потенциал ядерного сдерживания, сделать конфликты менее управляемыми, а также значительно ограничить рамки их возможных решений.

Инновационный инструментарий ведения современных конфликтов, по мнению американских военных специалистов, – это так называемая гибридная война, своеобразными «поражающими элементами» которой служат как традиционные средства ведения «классических» войн, так и нерегулярные вооруженные формирования и террористические организации, способные подрывать деятельность государственных органов стран-оппонентов изнутри и получать идеологический и психологический контроль над их населением посредством манипулирования его поведением, террора, информационного воздействия и пропаганды.⁹ Следует отметить, что стратегическая цель «гибридной войны» – способствовать реализации той или иной модели геополитической экспансии посредством искусственного формирования очагов внутренней дестабилизации с помощью массивной психологической обработки населения стран-оппонентов (и даже целых регионов), которые могли бы быть урегулированы на продиктованных «западными партнерами» условиях. По сути, «гибридная война» включает весь диапазон средств вооруженного противоборства, а именно:

- использование различных инструментов интегрированной военной стратегии в сочетании с мероприятиями информационного противоборства;
- возрастание значения асимметричных и непрямых действий;

- активное применение силовых мер скрытого характера в сочетании с действиями сил специальных операций и использованием протестного потенциала населения стран-оппонентов;

- участие в конфликте нерегулярных вооруженных формирований и частных военных компаний;

- использование финансируемых и управляемых извне политических сил и общественных движений.

Важным отличительным признаком «гибридной войны» является использование сетевых форм управления подготовкой и развертыванием «протестных» действий с возможностью их оперативной функциональной перестройки, что, в свою очередь, обеспечивает высокую подвижность и мобильность применения базовых ресурсов и их сосредоточение на стратегически важных направлениях. Главную роль при этом играют новейшие информационно-коммуникационные технологии, а также инновационные приемы военной стратегии, перспективные формы и методы применения объединенных вооруженных сил.

Особое внимание в документе уделено проблеме трансформации вооруженного противоборства в XXI в. и, в частности, новым подходам к применению ВС США. В качестве одной из основных американскими военными специалистами рассматривается концепция «объединенных операций» (глобально интегрированных операций), в рамках которой предполагается совместное применение всех силовых компонентов США в глобальном масштабе, способных быстро объединяться (включая ресурсы союзников и партнеров) с целью интеграции их возможностей для решения различных оперативно-стратегических задач. Эти доктринальные установки были изложены в *«Концепции объединенных операций: объединенные силы 2020»*, утвержденной председателем КНШ в сентябре 2012 г. и посвященной различным аспектам боевого применения американских вооруженных сил в глобальном масштабе.¹⁰ Следует отметить, что положения концепции – это развитие подходов, изложенных в другом доктринальном документе – *«Стратегическом руководстве в области обороны»*, посвященном вопросам глобального лидерства США в военной сфере в XXI в.¹¹ При этом особо подчеркивается, что военная сила – лишь один из элементов национальной мощи, а все инновационные подходы, обозначенные в документах, являются основополагающими при формировании объединенных вооруженных сил.

Исходя из необходимости поддержания военно-стратегического превосходства США в XXI в., американские военные специалисты выделяют следующие основные задачи, решая которые объединенные вооруженные силы будут вносить свой вклад в защиту национальных интересов:

- поддержание безопасного и эффективного потенциала ядерного сдерживания;

- надежная оборона национальной территории;

- сдерживание и отражение агрессии;

- обеспечение стабилизирующего военного присутствия;

- операции против международных террористических организаций и нерегулярных вооруженных формирований;
- нейтрализация оружия массового уничтожения;
- проецирование силы в глобальном масштабе (в т.ч. в условиях действия стратегии «отказа в доступе» в некоторые регионы);
- проведение специальных операций в ответ на непредвиденные угрозы;
- выполнение обязательств в области обороны и безопасности перед союзниками и партнерами;
- проведение антиповстанческих операций и операций по стабилизации обстановки;
- обеспечение поддержки гражданского руководства;
- проведение гуманитарных операций и операций по ликвидации последствий стихийных бедствий.

Эффективное применение объединенных вооруженных сил потребует, как следует из документа, формирования корпуса высококвалифицированных специалистов, оптимизации системы управления, а также создания перспективных систем вооружений и военной техники. Поставленных стратегических целей планируется добиваться путем качественного совершенствования средств глобальной мобильности, ситуационной осведомленности, улучшения интероперабельности, межвидового взаимодействия, адаптивного планирования, а также расширения охвата решаемых задач.

Все эти инновационные подходы американское военное руководство планирует применять при решении оперативно-стратегических задач на различных удаленных ТВД и, прежде всего, в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Так, перспективная американская концепция «воздушно-морского сражения» (air-sea battle) предполагает формирование ударных межвидовых группировок, состоящих из сил и средств ВМС, ВВС и корпуса морской пехоты, которые, находясь в высокой степени боевой готовности, могли бы оперативно реагировать на возникающие региональные кризисы.¹² После завоевания превосходства в воздухе и на море такие ударные группировки будут способны наносить высокоточные удары вглубь территории противника и обеспечивать, в случае необходимости, дальнейшее проведение наземной операции. Следует отметить, что концепция «воздушно-морского сражения» является дальнейшим развитием концепции «объединенности» и должна вывести межвидовую интеграцию на качественно новый уровень. Важнейший элемент концепции – межвидовая система оперативного управления (сопряжение автоматизированных систем управления различных уровней военного командования, обеспечивающее руководство силами и средствами в режиме реального времени) задействованных в операции видов вооруженных сил, которая, как ожидается, должна повысить эффективность управления ударной группировкой как единым целым.

Концепция «воздушно-морского сражения» была разработана еще в середине 1990-х гг., после всеобъемлющего анализа американскими военными специалистами боевого опыта проведения операции «Буря в пустыне» 1991 г.

Дальнейшее развитие концепция получила в конце 2000-х гг. в ответ на разработку рядом потенциальных противников США стратегии «противодействия доступу на ТВД / недопущения в зону боевых действий» (anti-access/area denial – A2AD), которая, по мнению американских аналитиков, могла позволить государствам-оппонентам ограничить доступ ВС США на какой-либо региональный ТВД и свободу действий на нем.¹³

Как следует из американских аналитических докладов на эту тему, средства ПВО/ПРО, дальнобойные баллистические и крылатые противокорабельные ракеты, многоцелевые атомные подводные лодки, оснащенные ракетно-торпедным вооружением, а также противоспутниковое оружие могут существенно ограничить усилия американского военного руководства по наращиванию экспедиционной группировки войск на азиатско-тихоокеанском ТВД, значительно повысить риски и уровень возможных потерь, угрожать критически важным космическим и информационным системам, линиям коммуникаций и военным базам. Это, в свою очередь, может потребовать выделения значительно большего количества сил и средств для защиты военной инфраструктуры.¹⁴

Таким образом, все доктринальные документы в области национальной безопасности, принятые администрацией Обамы в последние годы, свидетельствуют о по сути имперском и неокOLONIALном характере американской военной политики и предполагают попытки дальнейшего изменения глобального силового баланса путем наращивания военного противостояния с главными геополитическими оппонентами. Стратегия «управляемого хаоса», применяемая американским руководством для силового реформирования ряда стран Большого Ближнего Востока, Восточной Европы и постсоветского пространства, являющихся своего рода «форпостом фундаментальных военных интересов США на евразийском стратегическом направлении», ведет к возвращению «блокового мышления», запуская механизм новой «холодной войны». К тому же расширение американского военного присутствия в различных регионах планеты (по состоянию на начало 2016 г. было развернуто более 1400 военных баз в более чем 120 государствах), а также сохранение Европы в качестве своеобразного «протектората» США (по крайней мере, в военной сфере) заставляют американских союзников и партнеров идти в фарватере военной политики США.¹⁵ Реализуя идеи американской «исключительности» и уничтожая «неуправляемые» политические режимы в различных регионах планеты, США продолжают финансово и материально подпитывать в т. ч. радикальных фундаменталистов. «Озабоченность» американского руководства по поводу «агрессивности» России, которая «не хочет следовать установленным правилам мирового порядка», «роста военной угрозы» со стороны Китая, претензии американского руководства на «особый статус» в мировой политике, а также применение силы в одностороннем порядке могут, как представляется, вступают во все большее противоречие с формирующейся более плюралистической конструкцией мирового порядка и всей системы глобального мироустройства. Поэтому только равноправное взаимодействие и баланс интересов всех государств, а также регулирование системы международных

отношений в рамках общемировых наднациональных структур (прежде всего, Организации Объединенных Наций) является той «моделью действий», которая может стабилизировать «глобальный контур управления» формирующегося многополярного мира в XXI веке.

IV.

В заключение на этом фоне уместно вкратце обрисовать, как основные концептуальные положения политики национальной безопасности конкретизированы в профильных доктринальных документах РФ. В уточненной редакции «*Военной доктрины Российской Федерации*», утвержденной указом президента РФ от 25 декабря 2014 г. сформулированы основные положения военной политики и военно-экономического обеспечения обороны государства.¹⁶ В ней, в частности, учтены основные положения Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г., а также соответствующие положения Концепции внешней политики РФ, Морской доктрины на период до 2020 г., Стратегии развития Арктической зоны и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 г. и других документов стратегического планирования.

В Военной доктрине «отражена приверженность Российской Федерации к использованию для защиты национальных интересов страны и интересов ее союзников военных мер только после исчерпания возможностей применения политических, дипломатических, правовых, экономических, информационных и других инструментов ненасильственного характера». В документе перечислены угрозы национальной безопасности, источники военной опасности и сформулированы условия применения ВС РФ, для чего введено понятие «система неядерного сдерживания» – «комплекс внешнеполитических, военных и военно-технических мер, направленных на предотвращение агрессии против Российской Федерации неядерными средствами». Предполагается, что неядерное сдерживание военной угрозы будет одной из основных задач сил общего назначения. При этом Россия «оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства».

Мировое развитие, по оценкам авторов документа, «характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития, неустойчивостью процессов экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях на фоне общего осложнения международных отношений. Происходит поэтапное перераспределение влияния в пользу новых центров экономического роста и политического притяжения». При этом «неурегулированными остаются многие региональные конфликты. Сохраняются тенденции к их силовому разрешению, в том числе в регионах, граничащих с Российской Федерацией.

Существующая архитектура (система) международной безопасности не обеспечивает равной безопасности всех государств». Как следует из документа, «наметилась тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу Российской Федерации. При этом, несмотря на снижение вероятности развязывания против Российской Федерации крупномасштабной войны, на ряде направлений военные опасности для Российской Федерации усиливаются».

К основным внешним военным опасностям доктрина относит:

- наращивание силового потенциала НАТО и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение военной инфраструктуры стран-членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем дальнейшего расширения блока;
- дестабилизацию обстановки в отдельных государствах и регионах и подрыв глобальной и региональной стабильности;
- развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях государств, сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками, а также в прилегающих акваториях, в том числе для политического и военного давления на Россию;
- создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, реализация концепции «глобального удара», намерение разместить оружие в космосе, а также развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия;
- территориальные претензии к России и ее союзникам, вмешательство в их внутренние дела;
- распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий;
- нарушение отдельными государствами международных договоренностей, а также несоблюдение ранее заключенных международных договоров в области запрещения, ограничения и сокращения вооружений;
- применение военной силы на территориях государств, сопредельных с Россией и ее союзниками, в нарушение Устава ООН и других норм международного права;...
- использование информационных и коммуникационных технологий в военно-политических целях для осуществления действий, противоречащих международному праву, направленных против суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международному миру, безопасности, глобальной и региональной стабильности.

К основным военным угрозам доктрина также относит: «резкое обострение военно-политической обстановки (межгосударственных отношений) и создание условий для применения военной силы; воспрепятствование работе систем государственного и военного управления Российской Федерации, нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения

ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической, фармацевтической и медицинской промышленности и других потенциально опасных объектов...» При этом в документе отмечается, что «ядерное оружие будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны)».

Как следует из уточненной редакции *«Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.»*, утвержденной указом президента РФ от 31 декабря 2015 г., в последнее время появились новые вызовы и угрозы национальной безопасности РФ.¹⁷ В документе отмечается, что «США при поддержке ряда стран Запада намереваются сохранить свое доминирование в мировых делах, поэтому предпринимаются попытки ограничить проведение Россией самостоятельной внешней и внутренней политики. Все бóльшую опасность представляют угрозы, связанные с военной деятельностью НАТО. Стремление к наращиванию и модернизации наступательных потенциалов, разворачиванию новых видов вооружений, созданию глобальной системы ПРО, в том числе вокруг России, размывает структуры глобальной безопасности. При этом высказывания лидеров некоторых стран Запада о том, что НАТО – это оборонительный союз, созданный для обеспечения безопасности в мире, лишь прикрывают агрессивную сущность альянса».

В документе более четко сформулированы стратегические цели защиты России от попыток использования против нее военной силы. Больше внимания уделено вопросам мобилизационной готовности и гражданской обороны. В тоже время подчеркивается, что для защиты своих интересов Россия проводит внешнюю политику, исключаящую затратную конфронтацию, в т. ч. новую гонку вооружений. Применение военной силы рассматривается как крайняя мера, использование которой возможно лишь после исчерпания политических, экономических, дипломатических и иных средств. В документе прописаны пути противодействия распространению радикальной идеологии, ее пропаганды в средствах массовой информации. Подчеркивается значимость повышения защищенности от террористической угрозы критической инфраструктуры, личности, общества и государства в целом. Открыто заявлено, что практика смены легитимных режимов с использованием методов «цветных революций» и «гибридных войн» способствует распространению терроризма, экстремизма, межрелигиозной и межэтнической вражды.

В то же время отмечается необходимость диверсификации национальной экономики, преодоления ее сырьевой направленности, перехода на новый уровень технологического развития, рационального импортозамещения. Роль двигателя модернизации производства отводится оборонно-промышленному комплексу. Поставлены задачи в области обеспечения энергетической безопасности и территориального развития страны. Уточнены задачи обеспечения безопасности в сферах здравоохранения, культуры, экологии, рационального природопользования.

Вопросы обеспечения информационной безопасности включены практически во все разделы, посвященные реализации стратегических

национальных приоритетов. В качестве основной цели в этой сфере провозглашается доведение до граждан и общества объективной и достоверной информации, а также укрепление безопасности информационно-коммуникационных систем. Актуальными остаются проблемы защищенности сетей связи с использованием отечественных технических и программных средств. С учетом все большего влияния проблем обеспечения и угроз информационной безопасности (прежде всего компьютерных атак) на отношения между государствами отмечается необходимость формирования международной системы, призванной предотвращать возникновение инцидентов в данной сфере между странами.

Внешняя политика России, как следует из документа, будет, как и прежде, основана на принципах равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств, взаимовыгодного сотрудничества, политического разрешения глобальных и региональных кризисных ситуаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Quadrennial Defense Review. – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, 4 March 2014.

² United States Department of Defense Fiscal Year 2016 Budget Request: Overview. – Washington D.C.: Office of the Under Secretary of Defense, February 2015.

³ Fact Sheet: Nuclear Weapons Employment Strategy of the United States. – Washington D.C.: The White House, 19 June 2013; Nuclear Weapons. General Accounting Office (GAO) Report GAO-11-387. – Washington D.C.: U.S. GAO, May 2011; O'Rourke R. Navy Ohio Replacement (SSBN [x]) Ballistic Missile Submarine Program: Background and Issues for Congress. Report for Congress R41129. – Washington D.C.: Congressional Research Service (CRS), 18 October 2012; O'Rourke R. Navy Virginia (SSN-774) Class Attack Submarine Procurement. – Washington D.C.: CRS, 27 September 2013.

⁴ Projected Costs of U.S. Nuclear Forces: 2014 to 2023. – Washington D.C.: U.S. Congressional Budget Office, December 2013.

⁵ National Nuclear Security Administration, Fiscal Year 2015 Stockpile Stewardship and Management Plan, Report to Congress. – Washington D.C.: U.S. Department of Energy, April 2014.

⁶ National Strategy for the Arctic Region. – Washington D.C.: The White House, May 2013; The Department of Defense Arctic Strategy. – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, November 2013.

⁷ National Security Strategy. – Washington D.C.: The White House, February 2015.

⁸ The National Military Strategy of the United States of America. – Washington D.C.: The Joint Chiefs of Staff, June 2015.

⁹ Gunzinger M. Shaping America's Future Military: Toward a New Force Planning Construct. – Washington D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2013; Watts B. The Maturing Revolution in Military Affairs. – Washington D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2011; Davis P., Wilson P. Looming Discontinuities in U.S. Military Strategy and Defense Planning: Colliding RMAs Necessitate a New Strategy. – Santa Monica: RAND, 2011.

¹⁰ Capstone Concept for Joint Operations: Joint Force 2020. – Washington D.C.: The Joint Chiefs of Staff, 10 September 2012.

¹¹ Defense Strategic Guidance. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, January 2012.

¹² Air-Sea Battle Office, Air-Sea Battle: Service Collaboration to Address Anti-Access and Area Denial Challenges. – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, May 2013.

¹³ Bowie Ch. The Anti-Access Threat and Theater Air Bases. – Washington D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2002; O'Hanlon M., Steinberg J. Going beyond «Air-Sea Battle» // The Washington Post. 24.08.2012.

¹⁴ Annual Report to Congress: Military and Security Developments Involving the People's Republic of China. – Washington D.C.: U.S. Department of Defense, Office of the Secretary of Defense, 2015; Chinese Aerospace Power: Evolving Maritime Roles / Ed. by A.Erickson, L.Goldstein. – Annapolis: Naval Institute Press, 2011; The Chinese Navy: Expanding Capabilities, Evolving Roles / Ed. by P.Saunders et al. – Washington D.C.: National Defense University Press, 2011; Cliff R. et al. Entering the Dragon's Lair: Chinese Anti-Access Strategies and Their Implications for the United States. – Santa Monica: RAND, 2007; Cliff R. et al. Shaking the Heavens and Splitting the Earth: Chinese Air Force Employment Concepts in the 21st Century. – Santa Monica: RAND, 2011; Easton I. The Great Game in Space: China's Evolving ASAT Weapons Programs and Their Implications for Future U.S. Strategy. – Washington D.C.: Project 2049 Institute, 2009; Ehrhard Th., Work R. Range, Persistence, Stealth, and Networking: The Case for a Carrier-Based Unmanned Combat Air System. – Washington D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2008; Montgomery E. Contested primacy in the Western Pacific: China's rise and the future of U.S. power projection // International Security. Spring 2014. P. 115–149.

¹⁵ Kroenig M. Facing reality: getting NATO ready for a new Cold War // Survival. February/March 2015. P. 49–70; idem. Time to attack Iran: why a strike is the least bad option // Foreign Affairs. January/February 2012. P. 76–86; Legvold R. Managing the new Cold War: what Moscow and Washington can learn from the last one // Foreign Affairs. July/August 2014. P. 74–84; Kissinger H. The Future of U.S.-Chinese relations: conflict is a choice, not a necessity // Foreign Affairs. March/April 2012. P. 44–55; America's Path: Grand Strategy for the Next Administration / Ed. by R.Fontaine and K.Lord. – Washington D.C.: Center for a New American Security, 2012.

¹⁶ Военная доктрина Российской Федерации // Российская газета. 30.12.2014.

¹⁷ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. // Российская газета. 31.12.2015.